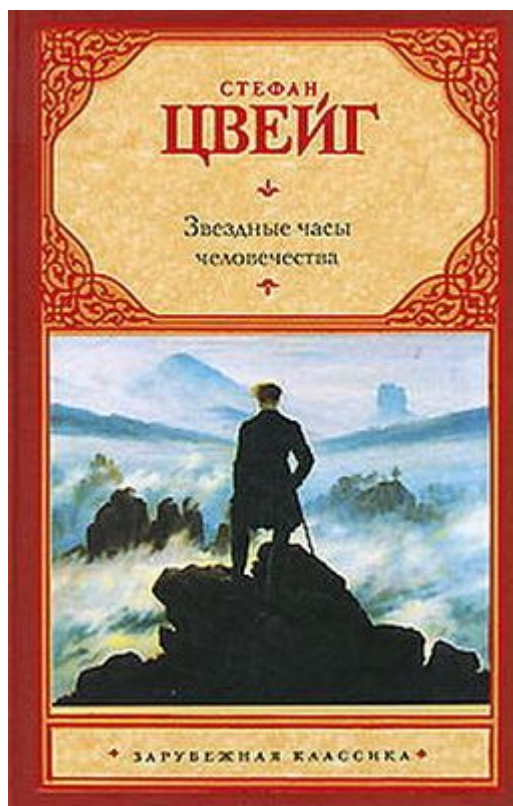

Стефан Цвейг Вильсон уступает

Звёздные часы человечества –

«Стефан Цвейг. Звёздные часы человечества»: АСТ; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-065718-6

Аннотация

В исторических миниатюрах из цикла «Звёздные часы человечества» Стефан Цвейг рисует эпизоды прошлого, в которых слиты воедино личный подвиг человека с поворотным моментом в истории.

Стефан Цвейг Вильсон уступает

Тринадцатого декабря 1918 года огромный пароход «Джордж Вашингтон» с президентом Вудро Вильсоном на борту подошел к — берегу Европы. За всю историю человечества ни одного корабля, ни одного человека миллионы людей не ждали с такой надеждой, с таким доверием. Четыре года страны Европы неистово враждовали друг с другом, сотни тысяч лучших, цветущих юношей с обеих сторон были уничтожены пулеметами, пушками, огнеметами, газами, четыре года по обе стороны от фронтов люди говорили и писали друг о друге лишь с ненавистью, со злобой. Но это разжигаемое возбуждение не в состоянии было заглушить тайный внутренний голос — все, что они совершали, все, что они говорили, было абсурдом, позорившим наш век. Все эти миллионы втайне — сознательно или неосознанно — чувствовали, что человечество отброшено в дикие и, казалось бы, давно исчезнувшие времена варварства.

И вот, в другой части света, в Америке, этот голос прозвучал и был всеми услышан. Над еще дымящимися полями сражений он отчетливо призывал: «Отныне никаких войн». Никаких более размолвок, никакой старой преступной тайной дипломатии, которая без ведома и согласия народов гнала людей на бойню. Необходимо установить новый, лучший мировой порядок — «господство права, основанное на согласии подданных и поддержанное организованным мнением общества». И поразительно: во всех странах, на всех языках тотчас же поняли этот голос. Война, еще вчера бессмысленные споры о границах, о земельных участках, о сырье, о рудниках и нефти, внезапно оказались перечеркнутыми, заменены более высоким, едва ли не религиозным смыслом: вечный мир, мессианское государство права и гуманности. Похоже, кровь миллионов проливалась не напрасно; это поколение страдало, чтобы подобные страдания никогда более не пришли на нашу землю. Охваченные восторгом доверия сотни тысяч, миллионы людей взывали к этому человеку; он, Вильсон, должен установить согласие между победителями и побежденными, с тем, чтобы воцарился мир права. Он, Вильсон, должен стать вторым Моисеем, дать скрижали нового завета заблудившимся народам. За немногие недели имя Вудро Вильсона получило религиозную, мессианскую силу. В его честь называют улицы, сооружения, его имя дают детям. Каждый народ, чувствующий себя в беде или обделенным, посылает к нему делегатов; письма, телеграммы с предложениями, с просьбами и мольбами со всех стран света в мешках, ящиках, коробках грузятся на корабли, идущие в Европу. Люди всех частей света единодушно просят этого человека быть арбитром в их последнем споре за страстно желаемое примирение.

И Вильсон не может не ответить на этот призыв. Его друзья в Америке не советовали ему ехать на Парижскую мирную конференцию. Президенту Соединенных Штатов не рекомендовалось покидать свою страну, руководить переговорами он мог и из Америки. Но Вильсон не поддается уговорам. Даже самое высокое звание его страны, звание президента Соединенных Штатов, представляется ему недостаточным для решения задачи, которую он предполагает решить. Не одной какой-либо стране, не какому-то одному континенту должен он служить, а всему человечеству, и не этому одному историческому мгновению, а лучшему будущему. Не интересы Америки хочет он эгоистически представлять — «выгода не объединяет людей, выгода разобщает людей», — а интересы всех стран. Он убежден, что сам должен со всем тщанием проследить за тем, чтобы военные и дипломаты, для профессий которых единение человечества роковым образом подобно погребальному колокольному звону, вновь не отдавали предпочтение узко национальным интересам перед интересами общечеловеческими. Он лично должен гарантировать, чтобы переговоры подчинялись принципу: «воля народов, а не правителей», чтобы заседания этой мирной конференции, конференции последней и окончательной для человечества, проводились для всего мира — при открытых дверях.

И вот он стоит на палубе парохода и смотрит на возникающий из тумана берег Европы, неопределенный, не сформировавшийся, как и его мечты о будущем братстве народов. Прямо стоит он, высокий, с крупными чертами лица, с острыми светлыми глазами за стеклами очков, выдвинув американски-энергичный подбородок, с плотно сжатыми полными губами. В характере сына и внука пресвитерианских пасторов — строгость и узость людей, для которых существует лишь одна истина и которые уверены, что им эта истина ведома. В его крови страстность всех набожных ирландских и шотландских предков и рвение кальвинистской веры, которая обязала вождя и учителя спасти исполненное грехов человечество. Стоически работает в его мозгу упрямый разум еретика и мученика, которые за свои убеждения предпочли бы костер отклонению хотя бы на йоту от текста Библии. И для Вильсона — ученого, демократа — понятия «гуманизм», «человечество», «свобода», «мир», «права человека» суть не холодные слова, а то, чем для его предков было Евангелие, не идеологические и туманные понятия означают они для него, а религиозные положения, которые он считает себя обязанным защищать, защищать в них каждый слог, подобно тому, как защищали Евангелие его предки. Во многих битвах сражался он, но это сражение,

чувствует Вильсон, глядя на берег, который все более и более четко вырисовывается перед его глазами, станет решающим. И непроизвольно на его лице напрягаются мускулы, «бороться ради нового порядка приятно, когда мы можем, неприятно — когда мы должны».

Но вскоре его устремленный вдаль взгляд смягчается. Салюты из пушек, флаги, приветствующие его в гавани Бреста,— это всего лишь атрибуты официальной встречи главы государства-союзника Франции в войне против Германии. Но то, что выплескивается навстречу ему с берега, это — он чувствует — не установленный правительственным регламентом, не организованный прием, не заказанное ликование, а пылкое воодушевление народа. И далее, на всем пути кортежа из Бреста в Париж, в каждой деревне, в каждой усадьбе, у каждого дома, люди машут флагами, этими свидетельствами надежды, к нему тянутся руки, восклицания радости омыают его, и, когда Вильсон по Елисейским Полям въезжает в Париж, народ Франции — символ всех народов Европы — ликует, люди приветствуют его, кричат, требуют ускорить ожидаемое ими решение. И вот уходит напряженность с его лица, свободный, счастливый, почти хмельной смешок обнажает зубы, он размахивает шляпой, желая приветствовать всех, приветствовать весь мир. Да, он поступил правильно, приехав сюда, лишь живая воля способна восторжествовать над закосневшим законом. Такой счастливый город, такая радостная в своих надеждах толпа; разве не стоит, разве нет возможности обеспечить счастье всех людей и на все времена? Ночь, следует отдохнуть, завтра же сразу приступить к работе, чтобы дать миру мир, о котором человечество мечтало тысячи лет, и тем самым свершить величайший из когда-либо свершенных на земле поступков.

Перед дворцом, предоставленном Вильсону французским правительством, в кулуарах министерства иностранных дел, в отеле «Крийон», где разместилась штаб-квартира американской делегации, теснятся нетерпеливые журналисты, сами по себе образующие внушительную армию. Только из Северной Америки их прибыло сто пятьдесят человек, каждую страну, каждый большой город представлял свой корреспондент, и все они требуют пропусков на все заседания мирной конференции. На все! Ибо миру была отчетливо обещана «полная открытость», на этот раз не должно быть никаких закрытых совещаний, никаких секретных соглашений. Слово в слово звучит первый из «Четырнадцати пунктов» Вильсона: «Открытые мирные переговоры, открытое обсуждение, после которых не будет никаких тайных международных соглашений какого-либо рода...» С помощью новой сыворотки, «открытой дипломатии» Вильсона, должна быть полностью побеждена зараза тайных соглашений, которая погубила людей больше, чем все другие эпидемии, когда-либо обрушивавшиеся на человечество.

Однако, к своему разочарованию, неугомонные корреспонденты встречают сообщение смущенных, сконфуженных информаторов. Разумеется, все корреспонденты будут допущены на все большие заседания и протоколы этих заседаний — в действительности уже тайно тщательно очищенные, приглашенные, освобожденные от всех неровностей,— в полном объеме будут сообщены миру. Сейчас же передать какую-либо информацию невозможно. Следует сначала установить *modus procedendi* — порядок переговоров. Непроизвольно чувствуют разочарованные корреспонденты, что на мирной конференции с единогласием не все в порядке. Однако информаторы в чем-то были правы. При первом же обмене мнениями «большой четверки» по поводу порядка переговоров Вильсон сразу же почувствовал сопротивление сотрудников: они не желали открыто обсуждать все, и, следует сказать, не без оснований. В папках и шкафах с актами всех государств, участвовавших в этой войне, лежат секретные договоры, которыми каждой стране обещана своя доля добычи, грязное и секретное белье, тот материал, о котором в *camera caritatis* (сфера человеколюбия) знать никому не следовало. Поэтому, чтобы заранее не скомпрометировать мирную конференцию, следует сначала кое-что обсудить при закрытых дверях и очиститься от этой грязи. Разногласия обнаружились не только при обсуждении порядка переговоров, но также и в более глубоких пластах. В основном точки зрения каждой из групп дипломатов, европейской и американской, обозначаются совершенно точно, ясная позиция у европейцев,

ясная позиция у американцев. На этой конференции следует заключить не один мирный договор, а два — два совершенно различных договора. Один мирный договор — временной, актуальный, он должен завершить войну с побежденной Германией, с Германией, сложившей оружие; но необходим также и другой мирный договор, договор будущего, задача которого — сделать навсегда невозможной любую войну. С одной стороны — мир на старый жесткий манер, с другой стороны — новый Covenant (Договор) Вильсона, который хочет создать Лигу Наций. Каким из договоров следует заняться в первую очередь?

Здесь точки зрения двух сторон кардинально расходятся. Вильсона мало интересует первый договор. Определение границ, возмещение военных убытков, выплата репараций — все эти вопросы должны рассматриваться специалистами и комиссиями на основании принципов, изложенных в четырнадцати пунктах. Это относительно несложная, второстепенного плана работа, работа специалистов. Задача же ведущих государственных деятелей всех стран должна заключаться в том, чтобы создать нечто новое, систему, обеспечивающую единение всех народов, вечный мир на земле. У каждой группы дипломатов, европейской и американской, своя точка зрения на этот вопрос, и она им представляется чрезвычайно важной. Европейские союзники справедливо считают, что после четырехлетней войны составление так называемого временного мирного договора откладывать на месяцы нельзя, так как это вызовет в Европе хаос. Сначала следует разобраться с реальными вопросами — установить территориальные границы, определить суммы репараций, вернуть находящихся под ружьем мужчин к своим женам и детям, стабилизировать валюту, восстановить торговлю и транспорт, и только тогда на выздоровевшей земле можно дать засверкать фата-моргане проекта Вильсона. Вильсону же этот мирный договор внутренне неинтересен, а Клемансо, Ллойд Джорджу и Соннино, как опытным тактикам и практикам дипломатии, в сущности, довольно безразлично ускорение решений по проекту Вильсона. Из политических соображений и в какой-то степени также из симпатии к гуманистическим идеям и усилиям Вильсона они с уважением относятся к ним. Ведь сознательно или неосознанно они чувствуют у своих народов захватывающую силу альтруистических принципов; поэтому они намерены обсудить и принять его план, правда, с определенным смягчением и оговорками. Но прежде всего, следует заключить мир с Германией, составить акт завершения войны, и только затем можно заняться ковенантом.

Однако и Вильсон достаточно сильный дипломат-практик, чтобы знать, как можно обескровить живые требования. Ему прекрасно известно, как докучливые интерpellляции затяжками надолго отодвигают решение по обсуждаемому вопросу: президентом Америки человек не становится потому лишь, что он идеалист. Поэтому он упорно настаивает на своем мнении: сначала следует разработать ковенант, и даже требует, чтобы ковенант был введен в мирный договор с Германией. Из этого его требования органически выкристаллизовывается второй конфликт. Германия виновна во вторжении в нейтральную Бельгию, чем грубо нарушила международное право, она виновна также в жестоком ударе генерала Гофмана по Брест-Литовску. Союзники (Англия, Франция, Италия) полагали, что введение гуманистических принципов Вильсона в мирный договор с Германией явится незаслуженным поощрением для нее, инициатора войны. Поэтому европейские дипломаты требуют, чтобы виновники сначала полностью расплатились по старым счетам. И только после этого можно перейти к обсуждению новых принципов взаимоотношений между государствами. В Европе еще лежат опустошенные поля, разрушенные города, и, чтобы произвести на Вильсона впечатление, ему рекомендуют увидеть все это своими глазами. Но «непрактичный человек», Вильсон, умышленно не обращает внимания на руины. Он смотрит лишь в будущее и вместо разбомбленных, разрушенных строений видит строение вечное. У него одна только задача — «ликвидировать старый порядок, установить новый». Неколебимо и твердо, несмотря на протесты своих советников Лансинга и Хауза, настаивает он на своем требовании. В первую очередь — ковенант. Сначала — дело всего человечества и лишь затем — интересы отдельных стран.

Борьба жестокая, и — что окажется роковым — она потребует много времени.

Злосчастливым образом Вудро Вильсон не успел четко очертить формы своей мечты. Привезенный им проект ковенанта ни в коем случае нельзя считать окончательно сформулированным документом, это всего лишь первый набросок, эскиз, который подлежит обсуждению, изменениям, улучшению, усилению или ослаблению на бесчисленных заседаниях мирной конференции. Глава Соединенных Штатов Америки, глава делегации страны на мирной конференции, Вильсон считал необходимым между заседаниями в Париже отдавать визит вежливости столицам других стран-союзниц. Он едет в Лондон, выступает в Манчестере, едет в Рим, и, поскольку в отсутствие Вильсона другие государственные мужи не проявляют большого рвения в продвижении его проекта ковенанта, проходит более месяца, прежде чем дело доходит до первого пленарного заседания. Теряется время, в течение которого в Венгрии, Румынии, Польше, на Балтике, на далматской границе регулярные и добровольные военные образования организуют вооруженные стычки, осаждают города, в Вене растет голод, а в России опасно обостряется положение.

Но и на этом первом пленарном заседании, проведенном 18 января, лишь теоретически устанавливается, что ковенант должен войти во всеобщий мирный договор как его неотъемлемая часть. Однако документ все еще не завершен, на бесконечных дискуссиях ходит он по рукам и подвергается многократному редактированию. Проходит еще месяц, месяц ужасающего беспокойства Европы, которая все более страстно хочет иметь мирный договор, и лишь 14 февраля 1919 года, четверть года спустя после подписания перемирия, Вильсон может предложить ковенант в окончательной редакции, которая единогласно принимается.

Мир снова ликует. Идея Вильсона одержала верх — впредь мир должен обеспечиваться не силой оружия, не террором, а согласием и верой в главенство закона. Когда Вильсон покидает дворец, в котором проходило заседание мирной конференции, толпа восторженно приветствует его. Еще раз, на этот раз в последний, он с гордой, благодарной, счастливой улыбкой смотрит на окружающих его людей и чувствует за этой толпой другие толпы, за этим, вынесшим так много страданий поколением — будущие поколения, которые, благодаря этой не подлежащей пересмотру гарантии, никогда не узнают бича войн и унижений, диктата и диктатур. Это его величайший день — и одновременно последний счастливый день. Ибо Вильсон отравляет свою победу тем, что, торжествуя ее, покидает поле боя и на следующий день, 15 февраля, уезжает в Америку, чтобы доложить своим избирателям, своим соотечественникам о magna charta, великой хартии, вечного мира, прежде чем, возвратившись в Европу, подписать другой, последний мирный договор.

Вновь гремят пушки, салютуя подходящему к берегу Бреста «Джорджу Вашингтону», но толпящиеся у причалов люди безучастны, равнодушны.

Нечто от великой и страстной напряженности, нечто от мессианской надежды народов исчезло с тех пор, как в феврале Вильсон покинул Европу. Да и в Нью-Йорке его приняли очень сдержанно. Ни один самолет не приветствовал его, облетая подходящий к гавани пароход, не было и ликующей толпы. В сенате, в конгрессе, в своей партии, у своего народа Вильсон при встречах чувствовал не радость, не удовлетворенность выполненной им миссией, а скорее недоверчивость, настороженность. Европа недовольна тем, что Вильсон недостаточно далеко пошел, Америка — тем, что он зашел слишком далеко. Европе представляется, что его объединение противоположных друг другу интересов отдельных стран в единые общечеловеческие интересы все еще недостаточно обширно и глубоко, в Америке же его политические противники, уже имея в виду следующие президентские выборы, утверждают, что он, не располагая соответствующими полномочиями, слишком сильно политически связал новый континент с беспокойной и непредсказуемой Европой и тем самым нарушил основные принципы национальной политики, доктрину Монро. Вильсону весьма настойчиво напоминают, что ему не надо пытаться стать основателем некоего иллюзорного государства будущего, что ему следует думать не о благополучии других государств, а прежде всего об американцах, выбравших его выразителем их воли. И Вильсон, утомленный, изнуренный европейскими переговорами, вынужден начать новые

переговоры как с товарищами по партии, так и с политическими противниками. Прежде всего ему надлежит предусмотреть в величественном строении ковенанта, которое он считал неприкосновенным и неприступным, путь к отступлению, который позволил бы в любой опасный момент «обеспечить возможность выхода Америки из Лиги Наций». Таким образом, из стены запланированного на вечные времена строения Лиги Наций выбит первый камень, в стене образовалась первая трещина, роковая трещина, предопределившая ее обвал.

Но хотя Вильсон и добивается принятия, пусть с ограничениями и поправками, новой Великой хартии вольностей для народов Европы и Америки — это не полная победа. Уже не таким свободным, не таким уверенным в себе, каким Вильсон приехал из Европы, он возвращается в нее, чтобы выполнить вторую часть своей задачи. Снова подходит пароход к гавани Бреста, но уже не смотрит Вильсон на берег таким дружелюбным, полным надежды взглядом, каким смотрел в прошлый раз. За эти несколько недель он постарел, испытал разочарование; он сильно устал, строже и собраннее его лицо, у рта уже намечается жесткое, даже ожесточенное выражение, время от времени подергивается левое веко — предупреждающая зарница развивающейся болезни. Сопровождающий президента врач постоянно напоминает ему о необходимости беречь себя. Новая, вероятно еще более суровая, более тяжелая битва предстоит ему. Он знает, что сформулировать принципы было несравненно легче, чем настоять на том, чтобы их приняли. Но он решил не жертвовать ни одним пунктом своей программы. Все — или ничего. Вечный мир — или никакого мира.

Никаких ликований при его прибытии в Брест, никаких ликований на улицах Парижа, газеты выжидающе сдержанны, люди настроены скептически. Вспоминаются мудрые слова Гёте: «Вдохновение — не товар, который можно засаливать впрок». Вместо того чтобы использовать время, пока оно благоприятствует Вильсону, ковать железо по своей воле, пока оно горячо и поддается ковке, он ничего не изменил в своей позиции по отношению к Европе. Однако за месяц его отсутствия положение стало иным.

С отъездом президента в Америку Ллойд Джордж взял у конференции отпуск, раненный выстрелом политического противника Клемансо две недели не мог работать, и, пока конференция оставалась без лидеров, второстепенные участники использовали это время, чтобы пробиться в комиссии, занимающиеся подготовкой мирного договора. Особенно энергично работали военные — те маршалы и генералы, которые в течение последних четырех лет находились в центре общественного внимания, слова, произвол, решения которых заставляли подчиняться им сотни тысяч людей. Эти люди ни в коем случае не желали скромно поступиться своим влиянием, отказаться от своей власти. Ковенант, посягающий на их военную мощь, на армию, поскольку требует «упразднить обязанность военной службы и все другие формы воинской повинности», угрожает их существованию. Следовательно, этот вздор, эти бредни о вечном мире, грозящие обратить в ничто смысл их профессии, безусловно следует из мирного договора изъять или же завести в какой-нибудь тупик. Вместо предложенного Вильсоном разоружения настойчиво требуют они вооружения, вместо решения проблем на основе наднациональных соображений — новых границ и национальных гарантий; благополучие страны нужно обеспечить не четырнадцатью высосанными из пальца пунктами, а лишь вооружением своей армии и разоружением армии противника. Промышленники, которые держат в состоянии готовности производство военного назначения, и торговые посредники, желающие заработать на репарациях, оказывают поддержку военным, все более колеблются дипломаты, которые под давлением оппозиционных партий своих стран хотят — каждый для своей страны — выторговать изрядный кусок территории. Серия искусных манипуляций на клавиатуре общественного мнения — и все европейские газеты, поддерживаемые американской прессой, на разных языках варьируют одну и ту же тему: своими нелепыми фантазиями Вильсон затягивает заключение мирного договора. Его утопии, сами по себе похвальные и, несомненно, исполненные духа идеализма, препятствуют консолидации Европы. Времени на моральные размышления и сверхнравственную оглядку на моральные аспекты темы терять более нельзя. Если мирный договор не будет заключен тотчас же, то в Европе начнется хаос.

К сожалению, эти нападки имеют некоторые основания. Вильсон, рассчитавший свой план на сотни лет, отмеряет время другой мерой, чем это делают народы Европы. Четырех-пяти месяцев для решения поставленной перед собой задачи, которая должна реализовать мечту тысячелетий, ему мало. Но ведь сейчас на востоке Европы темными силами созданы военизированные формирования, которые захватывают целые территории, люди на больших участках земли не знают, кому эти участки принадлежат, кому принадлежать должны. Прошло четыре месяца с тех пор, как заключено перемирие, а мирная конференция не принимает немецкую и австрийскую делегации, население, живущее у не определенных договором границ, волнуется. Европа неспокойна, все говорит за то, что Венгрия — завтра, а Германия — послезавтра в отчаянии вверятся большевикам. Поэтому, утверждают дипломаты, настоятельно необходимо немедленно заключать договор, безразлично — правый или неправый, и прочь все, что стоит ему на дороге, а прежде всего — этот несчастный ковенант.

Едва ли не первый час пребывания Вильсона в Париже показывает ему, что все, построенное в течение трех месяцев, за месяц его отсутствия оказалось заминированным и грозит вот-вот обрушиться. Маршал Фош чуть ли не добился изъятия ковенанта из мирного договора, работа первых трех месяцев конференции кажется бессмысленно потерянной. Но когда речь идет о главном, Вильсон тверд и не отступает ни на шаг. На следующий же день по прибытии он официально извещает через газеты, что резолюция, принятая конференцией 25 января, действительна, что «этот ее раздел будет неотъемлемой частью мирного договора». Это заявление Вильсона — первый встречный удар по попытке построить мирный договор с Германией не на базе нового ковенанта, а на основе старых секретных соглашений между союзниками. Теперь президент Вильсон знает точно, что те самые силы, которые торжественно поклялись соблюдать принцип самоопределения народов, намереваются осуществить ранее задуманное: Франции передать Рейнскую область и Саар, Италии — Фиуме и Далмацию, Польше, Румынии и Чехословакии — их доли добычи. Если ему не удастся противостоять этому, мир будет заключен не на основе предложенных им и торжественно принятых конференцией гуманных принципов, а на основе позорных, осужденных им методов Наполеона, Талейрана и Меттерниха.

Четырнадцать дней длится ожесточенная борьба. Вильсон не хочет уступить Саар Франции, полагая, что таким образом, впервые следуя принципу самоопределения, он при дальнейшем обсуждении условий мирного договора исключает повторение подобных попыток нарушить этот важнейший принцип. И в самом деле, Италия, все требования которой противоречат принципу самоопределения, уже грозит покинуть конференцию. Французская пресса усиливает свой ураганный огонь по Вильсону, в Венгрии в борьбу за власть вступает большевизм, и, как утверждают союзники, большевизм вскоре затопит мир. Даже ближайшие советники Вильсона, полковник Хауз и Роберт Лансинг, все в большей степени сопротивляются президенту. Даже они, его старые друзья, советуют ему в связи с нарастающим в Европе хаосом как можно скорее заключить мирный договор, даже пожертвовав, буде в этом возникнет необходимость, парой идеалистических требований. Против Вильсона возникает единый фронт, а из Америки сообщают формируемое политическими врагами и соперниками президента общественное мнение, порицающее его позиции; в иные мгновения Вильсон чувствует, что его силам приходит конец. Однажды он даже признается своему другу, что одному против всех не устоять, и, если ему не удастся добиться своего, он готов покинуть конференцию.

Во время этой борьбы против всех на него нападает — изнутри — еще один, последний враг. Третьего апреля, как раз когда борьба между жестокой действительностью и еще не сформировавшимися идеалистическими идеями велась вокруг самого решающего пункта договора, Вильсон уже едва держится на ногах; приступ инфлюэнцы принудил шестидесятитрехлетнего человека лечь в постель. Но время требует от больного большего, чем способна дать его лихорадочная кровь, и нет ему отдыха; на пасмурном небе сверкают сигналы возможной катастрофы; 5 апреля к власти в Баварии пришли коммунисты, в

Мюнхене объявлена советская республика, в любой момент полуголодная и окруженная большевистской Баварией и большевистской Венгрией Австрия может к ним присоединиться: с каждым часом сопротивления подписанию мирного договора растет ответственность этого одного человека за всё. Даже в постели больной не имеет покоя, его торопят, на него насаждают. В соседней комнате совещаются Клемансо, Ллойд Джордж, полковник Хауз, все они полны решимости, во что бы то ни стало, любой ценой, форсировать заключение мирного договора. И эту цену должен заплатить Вильсон, жертвуя своими требованиями, он должен отказаться от своих идеалистических требований; его «длительный мир», его «окончательный мир» — и этого требуют теперь все — должен быть отброшен, поскольку стоит поперек дороги реальному, материальному, военному миру.

Но усталый, обессиленный болезнью, раздраженный нападками прессы, обвиняющей его в том, что он затягивает заключение мирного договора, покинутый своими советниками, осаждаемый представителями государств — участников конференции, Вильсон все еще не сдается. Он чувствует, что не должен отречься от своих слов, что он лишь тогда действительно добьется заключения этого мирного договора, когда приведет его в соответствие с договором невоенным, работающим на будущее, когда добьется самого важного, единственно спасающего Европу «мирового порядка». Едва поднявшись с постели, Вильсон наносит решающий удар. Седьмого апреля он отправляет в Вашингтон, в Navy Department (морское министерство), телеграмму: «What is the earliest possible date U. S. S. George Washington can sail for Brest France, and what is probable earliest date of arrival Brest. President desires movements this vessel expedited («Какова ближайшая дата отплытия «Джорджа Вашингтона» в Брест, Франция, и возможно ранняя дата прибытия? Президент желает скорейшего прибытия судна»). В этот же день мир узнает, что президент вызвал свой корабль в Европу.

Это сообщение подобно удару грома, и смысл его сразу же все понимают. Всему миру известно: президент отказывается подписать мирный договор, в котором будет искажен хоть один пункт принципов ковенанта, и скорее покинет конференцию, чем отступится от своего решения. Наступил исторический момент, который на десятилетия, на столетия определит судьбу Европы, судьбу всего мира. Если Вильсон не подпишет договор — рухнет мировой порядок, начнется хаос, возможно инициированный теми, кто породил новую звезду. Европа возбуждена, Европа волнуется: не возьмут ли другие участники мирной конференции эту ответственность на себя? Примет ли он сам эту ответственность на себя? Решающая минута.

Решающая минута. Кажется, что Вудро Вильсон еще твердо стоит на своем. Никаких компромиссов, никакой уступчивости, не должно быть ни-какого «hard peace» — жесткого договора, подавляющего мир, должен быть только «just peace», справедливый мирный договор. Нельзя давать французам Саар, итальянцам — Фиуме, не должно быть никакого расчленения Турции, никакого «bartering of peoples (обмена народов). Право должно быть превыше силы, идеал — превыше реальности, будущее — важнее современности! Fiat justitia, pereat mundus (Да свершится правосудие, хотя бы погиб мир).

В эти короткие мгновения Вильсон становится великим человеком, его взгляд на мир обретает глубину и мудрость. Если бы Вильсону хватило сил устоять в борьбе, его имя было бы увековечено, последователи завершили бы начатое им. Но ему достает сил держаться лишь это героическое мгновение. За этим часом, за этим мигмом следует неделя, и со всех сторон на Вильсона насаждают газетчики: французская, английская, итальянская пресса обвиняет его, поборника мира, миротворца в том, что своим теоретически-теологическим упрямством он разрушает реальный мирный договор. Даже Германия, которая так надеялась на Вильсона, сбита с толку образованием Баварской советской республики, отворачивается от него. И его соотечественники, полковник Хауз и Лансинг, заклинаят президента отказаться от своего намерения. Тот самый государственный Секретарь США Темелти, который всего несколько дней назад ободряюще телеграфировал из Вашингтона: «Only a bold stroke by the President will save Europe and perhaps the world («Лишь смелый удар президента спасет Европу, а возможно, и мир»), сейчас, когда Вильсон нанес этот «bold

stroke», этот смелый удар, растерянный и перепуганный Темелти посылает президенту каблогамму из того же города: «...Withdrawal most unwise and fraught with most dangerous possibilities here and abroad... President should... place the responsibility for a break of the Conference where it properly belongs... A withdrawal at this time would be a desertion» («...Возвращение крайне неразумно и может повлечь за собой множество неприятностей и здесь, и за границей... Президенту следовало бы... ответственность за срыв конференции адресовать тем, кто в этом повинен... Возвращение в это время было бы дезертирством»).

Растерянный, отчаявшийся из-за единодушных нападок, ошеломленный, потерявший уверенность в себе, Вильсон осматривается вокруг. Возле него никого нет, против него все — и в зале конференции, и в его собственном штабе, голоса же невидимых миллионов и миллионов людей, издали заклинающих его устоять, остаться верным своим принципам, — эти голоса он не слышит. Президент не предугадывает, что осуществи он свою угрозу, то увековечил бы свое имя на все времена безупречной верностью идее будущего, оставил бы после себя вновь и вновь обновляющийся постулат справедливости. Он не чувствовал, какая творческая сила исходила от этого «Нет», которое он объявил алчности, ненависти, недомыслию. Он чувствует лишь, что одинок и слишком слаб, чтобы принять на себя конечную ответственность. И вот — роковым образом — Вильсон постепенно уступает, ослабляет свою непреклонность. Полковник Хауз помогает ему выпутаться из создавшегося положения, делаются уступки, восемь дней идет торг о границах. Наконец, 15 апреля — траурный день Истории — Вильсон, с тяжелым сердцем и поступаясь велением совести, соглашается, правда, с заметно уменьшенными требованиями Клемансо: Саар отдается Франции, но не навсегда, а всего лишь на пятнадцать лет. До той поры бескомпромиссный человек пошел на первый компромисс, и, как по мановению волшебной палочки, на следующее же утро тон парижской прессы меняется. Газеты, только вчера оскорблявшие его, называя «противником мирного договора», «разрушителем Европы», стали славить Вильсона как мудрейшего государственного мужа всего света. Но эти восхваления жгут ему душу как упрек. Вильсон знает — вероятно, он действительно спас сиюминутный мир, установил мир на час, но длительный мир на земле, умиротворение всех народов, единственный спасительный для земли мир — все это упущено, потеряно. Абсурд одержал верх над разумом, страсти — над здравым смыслом, вся земля вновь брошена в атаку на вечный идеал, и он, вождь и знаменосец этого идеала, проиграл решающую битву, битву против самого себя.

Правильно или неправильно вел себя Вильсон в этот судьбоносный час? Кто может ответить на этот вопрос? Во всяком случае, в этот исторический и неповторимый день было принято решение, рассчитывать за плоды которого мы будем десятилетия и столетия, рассчитывать нашей кровью, нашим отчаянием, нашей бессильной растерянностью. С этого дня Вильсон утратил огромную моральную силу, которой обладал до сих пор, его престиж испарился. Тот, кто уступает однажды, будет уступать и далее. Один компромисс понуждает идти на новые компромиссы.

Нечестность ведет к нечестности, насилие порождает насилие. Мир на вечные времена, пригрезившийся Вильсону как некая целостность, остается незавершенным плодом воображения, поскольку сформулирована эта идея не в духе будущего, не в духе гуманизма, а лишь на основе холодного разума: так вот, жалким образом, была упущена, по всей вероятности, самая судьбоносная в истории человечества возможность, и это чувствует мир — оглушенный, запутавшийся, разочарованный, вновь лишенный Бога.

Возвращающийся на родину Вильсон, которого еще недавно приветствовали как человека, несущего миру исцеление, отныне более не целитель — это всего лишь усталый, больной, отмеченный близостью к смерти человек. Ликование толп не сопровождает его, флаги не реют в его честь. Когда пароход отчаливает, побежденный Вильсон отворачивается от берега. Он отказывается смотреть на нашу несчастную землю, которая тысячи лет грезилась о мире и единении и никогда не обретала их. И снова вдали, в тумане исчезает и сновидение гуманистического мира.

Подписавшие стороны Версальского мира: Жорж Клемансо, Вудро Вильсон и Дэвид Ллойд Джордж. Париж, 1919 год.